

Железы в период чувствительности такие хрупкие, что стоит лишь слегка их коснуться, как тело сразу реагирует на это.

Чи Нин, не имея опыта, лежал на подушке, и не мог не то что сопротивляться, даже бороться не мог, только погружался в запах голубого ледяного кипариса.

Смешанные феромоны, казалось, по крупницам пожирала остатки его здравомыслия, его пальцы были мокрыми от пота, а из уголков глаз текли слезы, пропитывая поверхность подушки.

Чи Нин тихо сказал:

— Не целуй меня, мне немного неловко.

— Не буду, хорошо?

Слова, которые выходили из уст Чи Нина, становились всё более мягкими, и это слегка привело Чу Шаочэня в чувство.

Подняв голову, Чу Шаочэнь уткнулся в затылок Чи Нина, его глаза становились все темнее, а серые зрачки были полны желания, лишённые привычного холодного спокойствия.

Чу Шаочэнь старался успокоить дыхание и сердцебиение, его взгляд скользнул по покрасневшим железам, и он изо всех сил сдерживал желание укунить Чи Нина.

— Больно?

Чи Нин, услышав это, открыл глаза и встретился с взглядом Чу Шаочэня, его сердце забилося чаще.

Он никогда не видел Чу Шаочэня таким — как будто он дикий зверь, или же охотник.

Схватив край одеяла, Чи Нин покачал головой:

— Не больно, но продолжать не стоит. Они ещё очень хрупкие. Ты сможешь целовать их, когда они подрастут.

Недоразвитые железы вынуждены следить за феромонами в период восприимчивости, уже превышая тот уровень, который мог вынести Чи Нин.

Если это продолжится, он боялся, что всё снова испортится.

— Извини, я пока не могу позволить тебе поставить метку, — сказал Чи Нин, хотя не чувствовал опасности, позволяя Чу Шаочэням быть у его шеи и делать, что ему угодно, почти час.

Но действительно больше не следует целоваться, если это продолжится, могут возникнуть проблемы.

Чу Шаочэнь с трудом сдерживал дыхание, его грудь поднималась и опускалась, и наконец он приподнялся, обернул ноги вокруг другой стороны кровати и поднял Чи Нина, прижав его к себе.

— Извини, я немного потерял контроль.

Сидя у Чу Шаочэня на коленях, Чи Нин чувствовал, что страсть ещё не исчезла. Он только мог обнять Чу Шаочэня за шею и нежно погладить его по затылку:

— Я не испытываю боли, так что за что ты извиняешься?

После этих слов он сам рассмеялся, глаза его светились:

— Это первый раз, когда я провожу с тобой период восприимчивости, и мы закончили тем, что извиняемся перед друг другом на кровати, не слишком ли это странно?

Кто вообще извиняется во время периода восприимчивости? Чу Шаочэнь просто поцеловал его, и, в конце концов, лишь немного коснулся других частей тела, ему не нужно извиняться.

Чу Шаочэнь прижался лицом к шее Чи Нина, вдыхая его феромоны, и жар в теле значительно поутих.

Сдерживая первобытное желание укунить Чи Нина за железы, Чу Шаочэнь глубоко вздохнул и погладил его по спине.

— Все в порядке, стало намного лучше.

Чи Нин радостно спросил:

— Правда? — Обняв Чу Шаочэня, он продолжал: — Тогда оставайся со мной немного дольше, всё равно я не могу контролировать феромоны.

Феромоны уже почти заполнили всю комнату, нельзя же это зря терять.

Услышав это, Чу Шаочэнь тихо засмеялся, сжал его руку, и, заметив её мягкость, поднял бровь, отвлекшись на изучение Чи Нина.

В ту ночь, когда он вернулся с травмой, он видел, как Чи Нин с красными от слёз глазами спустился вниз. Хотя это отличалось от его воспоминаний, ему все равно это очень понравилось.

Щеки немного похудели, и он стал намного выше, но глаза не изменились, они точно такие же.

Чи Нин был и уставшим, и сонным. Хотя Чу Шаочэнь ничего не делал, он чувствовал, что всё как будто произошло: его железы были зацелованы, а его талия, ноги и грудь тоже.

Он тихо зевнул, взглянув на электронные часы у изголовья кровати, уже четыре часа утра.

— Хочешь спать?

— Разве ты не хочешь?

Чи Нин на автомате спросил в ответ и почувствовал, что его слова были лишними.

Топ-Альфа, как самый мощный боец Империи, не говоря уже о силе, которую ему придавали феромоны, имел физическую силу, которую никто не мог превзойти.

Сонливость? Такого понятия не существует.

Тем более он смотрел на Чу Шаочэня, и тот совсем не выглядел уставшим.

Он был полон энергии, везде очень энергичный.

Чи Нин, слегка кашлянув, поджал губы:

— Генерал, я думаю, что людям нужно уметь совмещать труд и отдых, что ты об этом думаешь?

Сочетание труда и отдыха — это более научный подход к тренировкам.

— Устал?

— Не совсем.

Чи Нин хотел заплакать, но не осмеливался, опасаясь, что Чу Шаочэнь может иметь другие желания. В конце концов, только что он уже был доведен до слёз, и Чу Шаочэнь не останавливался.

Место, где он сидел, постепенно становилось другим. Зрачки Чи Нина сузились, и он недоверчиво уставился на Чу Шаочэня. То, что он хотел сказать, казалось, было лишним.

Проведя несколько секунд в раздумьях, Чи Нин закрыл глаза, уткнувшись в плечо Чу Шаочэня, и сам потянулся руками.

— Ноги болят, не надо.

— В школе учитель похвалил меня за ловкость рук. Может, поменяемся?

Он не хотел, чтобы, проснувшись завтра, каждый понял, как он помогал Чу Шаочэню в период восприимчивости.

Что касается рук, в конце концов

Дневник по практическому опыту уже завершён.

Чу Шаочэнь не ожидал, что Чи Нин даст такой ответ. Улыбнувшись, он наклонился и поцеловал его в щеку, обняв его руку.

— Можно.

Это слово влетело в уши Чи Нина, и он мгновенно почувствовал себя так, будто его прижали к горячей грелке, даже слух стал притупленным.

Это было немного странно.

Руки немного затекли.

Чи Нин, погруженный в мысли, от смущения перешёл к состоянию оцепенения, прижимая лоб к плечу Чу Шаочэня, он немного подавленно спросил:

— Сколько это ещё будет длиться? Я так устал.

Чу Шаочэнь, полностью сосредоточенный на Чи Нине, наклонился и поцеловал его верхнюю губу.

Чи Нин чуть не задохнулся от поцелуя, злой от того, что не может ответить, он невольно прикусил его язык, и, услышав приглушённый стон, не успел подумать, не слишком ли сильно, и быстро отдернул руку.

В этом безумном опыте, всего за одну ночь, Чи Нин был вынужден узнать много нового.

Когда его перенесли в ванную для умывания и затем снова положили в постель, Чи Нин так устал, что не мог даже открыть глаза, просто мгновенно уснул.

Чу Шаочэнь смотрел на его спящее лицо, зашёл в ванную и включил душ. Он вышел только через час.

На горизонте начинало светлеть, и на балконе раздавалось пение птиц.

Он обнял Чи Нина, наконец-то смог спокойно уснуть.

***

Чи Нин проснулся от жары. Он пнул одеяло, но слишком сильно, и мышцы на бедрах протестовали.

С нахмуренным лбом он перевернулся, обнаружив, что рядом никого нет — Чу Шаочэнь уже проснулся.

С трудом открыв один глаз, он прикинул — уже двенадцать часов.

Спал шесть часов, и это явно недостаточно.

Только он принадлежал к тем, кто после пробуждения не мог снова заснуть, если только не чувствовал усталости. В противном случае лежал в постели и играл в игры.

Ему было не так уж плохо, в конце концов, он немного поспал, а поскольку не дошел до последнего этапа, его железы, как будто получили необходимое питание, стали более заметными, чем обычно.

С любопытством он потянулся, чтобы прикоснуться к ним, но в этот момент его тело задрожало, и он отдернул руку.

Он даже не может прикоснуться к своей железе.

Почему Чу Шаочэнь мог их трогать? Не только трогал, но и целовал.

Скривив губы, он посмотрел на дверь. Неужели в это время Чу Шаочэнь даже не интересуется, голоден ли он и не проснулся ли?

Чи Нин не был голоден, поэтому просто лег на живот, включил оптический мозг, лег на живот, обнажил железы, чтобы проветрить, и связался с Тан Си.

Как только экран засветился, перед ним появилась улыбка Тан Тан:

— Привет, брат Чи Нин, добрый день! Почему ты ещё не встал?

— Вчера слишком поздно лег спать, поэтому сегодня позже встал. Не повторяй за мной, помни, что нужно рано ложиться и рано вставать, чтобы вырасти.

Чи Нин улыбнулся, показывая свои острые зубы, и заметил, что за Тан Тан прячется Тан Си:

— Сяо Си, вы в магазине?

— Да, в магазине.

Тан Си отодвинул Тан Тан от камеры:

— Ты что, ловил вора прошлой ночью? Почему так поздно проснулся?

— Я же говорил, что вчера произошел небольшой инцидент. В тот момент, когда я писал тебе сообщение, я только что вернулся домой, — объяснил Чи Нин, вспомнив о данных, которые хотел запросить по поводу периода восприимчивости. — Ты ещё не отправил мне ту информацию, которую я просил.

— Подожди, я найду и отправлю тебе. Кстати, у меня есть несколько новых книг. Когда ты сможешь прийти и забрать? Это новая книга из твоей любимой серии.

Тан Си, прокручивая экран, продолжал:

— Я не смогу принести её тебе, боюсь столкнуться с генералом. Если он узнает, что я продаю эти книги, это будет катастрофа.

— Ничего, я сам приду за ней в другой раз, — Чи Нин помахал рукой, чувствуя дискомфорт в шее и спине, поэтому решил сесть. — Брат Ло Юань тоже в магазине?

— Нет, я как раз собирался сказать тебе по секрету, — Тан Си понизил голос. — Я только что узнал, что один Бета ухаживает за ним. Тан Тан говорит, что это продолжается уже почти год.

— Год?

— Да.

Как долго, удивительно, что кто-то может так долго терпеть.

Чи Нин немного забеспокоился:

— Ты встречался с ним? Или Тан Тан видела его? Он хороший человек? У него нет скрытых намерений?

— Я видела, видела, этот дядя не так высок, как обычные дяди, но выше моего папы, и он носит очки. Он похож на учителя из фильма, говорит очень мягко!

Тан Тан, жуя сладкий пончик, неразборчиво произнесла:

— Мне кажется, он хороший человек.

— Он тебя уже видел?

— Да, он купил мне конфеты, и папа разрешил мне их съесть.

Похоже, что Ло Юань обладает здравым умом, позволив ему увидеть детей, значит, у него нет скрытых намерений.

Если он действительно хороший человек, возможно, стоит попробовать быть вместе, в конце концов, это не так уж страшно, а Тан Тан такая миленькая.

— Значит, брат Ло Юань на свидании?

— Нет, этот человек, кажется, собирается пойти на какое-то занятие и зарезервировал место для брата Ло Юаня, чтобы вместе посещать занятия.

Разговаривая с Тан Си, Чи Нину стало немного жарко, он потянул за вырез, а затем поднял руку, чтобы поправить волосы, как вдруг услышал крик Тан Си.

Он был так напуган, что быстро спросил:

— Что случилось? Есть какие-то пробле...

— Нин Нин, что это у тебя на шее? Тебя ночью призрак душил? — Тан Си прервал его и с недоумением спросил: — Так много синяков? Ты...

Пока он говорил, прищурившись, его страх мгновенно сменился на насмешку и подшучивание.

— Что? Где призрак? — Тан Тан в страхе обняла Тан Си. — Не надо призрака, это страшно, я не хочу, чтобы меня забрали.

Тан Си обнял Тан Тан, и, смеясь, посмотрел на Чи Нина:

— Эта круглая «клубника» выглядит отлично. Так красиво и красным-красно, можно подумать, что у тебя на теле клубничный сад.

Чи Нин, проснувшись, ещё не был в ванной и, конечно, не знал о «катастрофе» на своей шее. Увидев, как Тан Си подшучивает, он замялся и быстро отключил видео.

— Неудивительно, что ты проснулся так поздно, оказывается, ты занимался дружеским обменом АО.

— Сяо Си!

Голос всё ещё звучал в ушах, и Чи Нин быстро направился в ванную, даже не успев надеть тапочки:

— Ладно, я отключаюсь, через пару дней я сам приду к тебе.

— Да-да-да, молодожены, я понимаю.

— Не буду с тобой разговаривать.

Чи Нин прервал насмешки Тан Си, встал на цыпочки и потянулся к зеркалу.

Он расстегнул воротник и, оглядев себя, его глаза становились все более и более свирепыми, и он скрежетал зубами.

Это было не только на шее, даже на груди, а при повороте головы он мог увидеть следы на шее, в голове всплыли образы, как его обнимают и целуют.

Скривив губы, Чи Нин с мрачным настроением умылся и вышел из ванной, и сразу увидел Чу Шаочэня.

Чу Шаочэнь держал в руках розу, сорванную в саду, и был одет в домашнюю одежду, выглядел очень привлекательно, и совершенно не походил на человека, которого мучили проблемы накануне.

— Проснулся?

Чи Нин хмыкнул, сел на край кровати и, нервно глядя на приближающегося Чу Шаочэня, почувствовал себя как взъерошенный кот.

— Генерал.

— Что?

Чи Нин, потерпев поражение и не понимая отношения Чу Шаочэня, решил взять инициативу в свои руки:

— Генерал, ты признался мне в любви прошлой ночью? — он слегка моргнул. — Сказанные слова могут заставить меня неправильно понять тебя. Особенно, слова о том, что, я выгляжу очень привлекательно.

Услышав это, Чу Шаочэнь шагнул вперед, опустился на одно колено, протянул белую розу в руке перед собой, взял Чи Нина за руку, поцеловал тыльную сторону его руки и посмотрел на него снизу вверх.

— Да, я признаюсь тебе в любви.

Перед ним стоял Чи Нин, который только что перестал быть юнцом, в растрепанной пижаме и неопрятными волосами, и это заставляло его сердце биться быстрее.

— Так ты принимаешь мое признание?

<http://bllate.org/book/13925/1226928>